

MACIEJ WALCZAK

Uniwersytet Śląski

<https://orcid.org/0000-0001-6313-5672>

ПРОСТРАНСТВА И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ У ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА И ФЕДОРА РЕШЕТНИКОВА (КАСРИЛОВКА VS. ПОДЛИПОВЦЫ)

PRZESTRZENIE I OBIEKTY PRZESTRZENNE U SZOLEMA ALEJCHEMA I FIODORA RESZETNIKOWA
(KASRYLEWKA VS. PODLIPNIACY)

Streszczenie: W niniejszym artykule podjęto problematykę szeroko pojmowanych przestrzeni i obiektów przestrzennych, które w wybranych do porównania tekstach literackich obdarzone są pewnym asocjacyjno-emocjonalnym potencjałem. Pośród wspomnianych obiektów przestrzennych centralne miejsce zajmuje dom, jak również cmentarz. Same przestrzenie zostały opisane i podzielone w ścisłym powiązaniu z domem na: 1. przestrzeń domową, 2. przestrzeń przydomową, 3. przestrzeń pozadomową. Zestawienie obu utworów pozwoliło nakreślić kontrastowy obraz przestrzeni i obiektów przestrzennych charakterystycznych dla opisanych w tychże utworach przedstawicieli dwóch grup etnicznych zamieszkujących tereny byłego Imperium Rosyjskiego: Komi-Permiaków (*Podlipniacy*) i diaspory Żydów (*Kasrylewka*).

Słowa kluczowe: przestrzeń, obiekt przestrzenny, dom, cmentarz, miasto, miasteczko, wieś

THE SPACE AND THE SPATIAL OBJECTS IN THE WORKS OF SCHOLEM ALEICHEM AND FYODOR RESHETNIKOV
(KASRILOVKA VS. THE PODLIPNAYANS)

Summary: The article deals with the issues of widely understood spaces and spatial objects which have some associative/emotional potential. These objects appear in the two texts mentioned above. Among these objects the central place is the house as well as the cemetery. These spaces were described and divided in a very close connection with the house and they are as follows: 1. The house space, 2. The nearby house space, 3. The outer/off space. The comparison of these two literary texts gives a contrastive image of the space and spatial objects typical for the two ethnic groups described in both texts. These groups are the Komi-Zyryans (*The Podlipnays*) and the Diaspora (*Kasrilovka*). These communities used to live in the lands of the Russian Empire.

Keywords: the space, the spatial objects, house, cemetery, city, (little)town, village

В предлагаемой статье¹ хотелось бы обратить внимание на проблематику широко понимаемого *пространства* и связан-

¹ Статья представляет собой продолжение тематики, начатой нами в двух предыдущих текстах: *Пища, еда и продукты питания у Шолома Алейхема и Федора Решетникова (Касриловка vs. Подлиповцы)*, „Iudaica Russica” 2019, nr 2(3), с. 105–126 (соавтор: П. Червинский); *Семья и семейные отношения у Шолом-Алейхема и Ф.М. Решетникова (Касриловка vs. Подлиповцы)*, „Iudaica Russica” 2021, nr 1(6), с. 97–114.

ных с ним *объектов*. Не любых и не всех, а только тех, которые в выбранных для сопоставления литературных произведениях предполагают особую ассоциативно-эмоциональную нагрузку, выступая одновременно средством создания либо провоцирования у читателя, равно как и персонажей, определённых, нередко довольно субъективных, ощущений, впечатлений и настроений. Словом, создающих особую атмосферу повествования и развёртывающихся в нём сюжетных линий. Подобного рода объекты, преимущественно в литературоведении, определяются также термином *локусы*, имея в виду не столько определённый географически обозначенный ареал (напр., пустыня, лес, степь) или трёхмерный объект, сколько нечто более отвлечённое, заряженное символическим и культурно обусловленным смыслом². Соответствующим образом данный термин понимается Юлианой Пыхтиной как единица ассоциативного отражения действительности, обладающая психологической реальностью, т.е. способностью вызывать чувственно-мысленные представления³. В понятийном аппарате литературоведческих исследований наряду с термином *локус* встречается также *топос*, хотя в несколько другом значении, как «место разворачивания смыслов, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства»⁴. По этой причине термины *пространственный объект* и *локус* мы будем использовать как взаимозаменяемые.

Немаловажными, если не ведущими, в этой связи становятся для нас и собственно языковые, а точнее лингво-когнитивные, параметры описания пространств и пространственных объектов⁵. В связи с чем представляется необходимым корот-

² Более детально термин *локус* и его дефиниция представлены в работе: Т.В. Субботина, *Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий*, «Вестник Челябинского государственного университета» 2011, № 24, с. 112.

³ Ю.Г. Пыхтина, *К проблеме использования пространственной терминологии в современном литературоведении*, «Вестник ОГУ» 2013, № 11(160)/ноябрь, с. 30. По смежной проблематике см. также: Д.А. Щукина, *Пространство в художественном тексте и пространство художественного текста*, Издательство Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург 2003.

⁴ В.Ю. Прокофьева, *Категория «пространство» в художественном преломлении: локусы и топосы*, «Вестник ОГУ» 2005, № 11, с. 89.

⁵ Пространство и пространственные отношения в лингво-когнитивном освещении представлены в ряде работ Р. Гжегорчиковой: *Понятийная оппозиция верх – низ (пол. 'wierzch' – 'spód') и языковая модель пространства* // Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина (ред.), *Логический анализ языка. Языки пространства, Языки русской культуры*, Москва 2000, с. 78–83; *Obraz przestrzeni, Świat widziany poprzez słowa. Szkice z semantyki leksykalnej*, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2012, 171–213. См. также: S.C. Levinson, *Space in language and cognition. Explorations in Cognitive Diversity*, Cambridge University Press, Cambridge 2003.

ко, не углубляясь в теоретические рассуждения, охарактеризовать и решить, в первую очередь, некоторые собственно лингвистические вопросы с частичным обращением и к другим смежным дисциплинам, поскольку интересующая нас проблема пространств изучается также в рамках семиотики⁶, психологии⁷ и философии. Для этой последней пространство есть всеобщая форма существования материи и её важнейший атрибут (нет материи, не обладающей пространственными свойствами, как не существует и пространства самого по себе, вне материи и независимо от неё)⁸.

Все отмеченные научные подходы в большей или меньшей степени должны учитываться для максимально полного представления основного вопроса, поскольку пространство, в зависимости от области знаний, может предполагать по-разному разные интерпретации и, тем самым, дефиниции. Так, пространство может пониматься и как 'неограниченная протяжённость (во всех измерениях, направлениях)⁹ (ср. также с лексемой того же гнезда *простор*¹⁰), напр., в физике или философии, и как 'место, где что-л. вмещается или способно вместиться¹¹, т.е. нечто имеющее явно выраженные, определённые границы, напр., в математике.

Отталкиваясь от этимологических данных, можно заметить, что лексема *пространство* вбирает в свой морфемный состав корень *-тран-*, прослеживающийся в других родственных словах, таких, как *страна*, *странствие*, *странствовать*, *странник*, в которых выявляется упомянутая бинарная оппозиция по признаку ограниченности – неограниченности. Именно, лексеме *страна*, с одной стороны, свойственна семантическая категория *лимитатива*, т.е. ограниченности,

⁶ См. Ю.М. Лотман, *Проблемы художественного пространства в прозе Н.В. Гоголя* // *Труды по русской и славянской филологии*, вып. 202, Тарту 1968, с. 10.

⁷ См. В.Н. Мунгалов, *Психологические пространства человека*, «Сибирский психологический журнал» 2012, № 45, с. 104–111.

⁸ См. И.М. Кобозева, *Грамматика описания пространства* // Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина (ред.) *Логический анализ языка...*, с. 153. См. также другие её работы по смежной проблематике: *Как мы описываем пространство, которое видим: композиционные стратегии* // *Труды международного семинара «Диалог'97» по компьютерной лингвистике и её приложениям*, РосНИИ Искусственного интеллекта, Ясная Поляна 1997, с. 132–135; *Как мы описываем пространство, которое видим: проблема выбора «ориентира»* // *Труды международного семинара «Диалог'95» по компьютерной лингвистике и её приложениям*, Издательство Казанского университета, Казань 1995, с. 146–153.

⁹ А. П. Евгеньева (гл. ред.), *Словарь русского языка в 4–х т.*, т. III, Русский язык, Москва 1987, с. 281–282.

¹⁰ Подробнее об этом см. И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв, *Родные просторы* // Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина (ред.), *Логический анализ языка...*, с. 339.

¹¹ Т.Ф. Ефремова, *Толковый словарь русского языка*, т. II, Москва 2006, с. 1106.

предельности (ср. также рус. *край* или польск. *kraj* 'страна'), что и выявляется, хотя не всегда напрямую, в словарно-энциклопедических толкованиях, напр., *страна* — '[...] в политическо-географическом отношении территория, имеющая определённые *границы* (здесь и далее курсив мой — М.В.), обладающая государственным суверенитетом'¹². С другой стороны, у лексем *странствие*, *странствовать*, *странник* можно выделить и другую семантическую категорию — *транзитива*, т.е. перехода, перемещения из одного пространства в другое, свободного, неограниченного пересечения определённых межпространственных границ, ср. *странствие* — 'поездка или передвижение пешком куда-л. далеко за пределы постоянного местожительства; путешествие'¹³, *странствовать* — 'путешествовать'¹⁴, *странник* — 'тот, кто странствует; тот, кто постоянно находится в пути, перемещается, передвигается, не остаётся подолгу где-л.'¹⁵.

Категория транзитива, как постараемся показать в дальнейшем, выделяется здесь неслучайно, поскольку будет тесно связана с мотивом похода, странствования, перемещения из своего родного, семейно-домашнего, пространства в чужое для поиска заработка и счастья главными героями очерка Федора Решетникова и рассказов Шолом-Алейхема.

Упомянутые в заглавии *пространственные объекты* / *локусы* отличаются, в нашем представлении, большей ограниченностью, поскольку их присутствие и восприятие как реально существующих предметов / объектов обусловлено их выделенностью из окружающего пространства посредством плоскостей: вертикальных (напр., огороженный забором двор), горизонтальных (поле, деревня, кладбище) либо вертикально-горизонтальных (дом, церковь, синагога). Центральное место среди названных объектов будет занимать именно *дом* со всеми стоящими за ним лингвокультурными представлениями, ассоциациями, но и имеющимися в разбираемых художественных текстах характеристиками. Ради точности отметим, что отправной точкой в отношении *дома* будет представление о нём, характерное для славянского лингвокультурного ареала, с последующим сопоставлением с *домом* у представите-

¹² В.И. Бородулин, А.П. Горкин, А.А. Гусев и др. (ред.), *Новый иллюстрированный энциклопедический словарь*, Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Москва 2005, с. 693.

¹³ А. П. Евгеньева (гл. ред.), *Словарь русского языка в 4-х томах*, т. IV, Москва 1988, с. 281–282.

¹⁴ С.А. Кузнецов (гл. ред.), *Большой толковый словарь русского языка*, Норинт, Санкт-Петербург 2000, с. 1276.

¹⁵ Там же.

лей других этносов: еврейского в рассказах Шолом-Алейхема и пермяцкого у Решетникова.

В отношении же пространств предлагаем разделить их, также в довольно тесной привязанности к *дому*, на следующие типы:

Домашнее пространство, предполагающее интерьер дома;

Околодомашнее пространство, охватывающее всё в пределах двора и данной местности;

Внедомашнее пространство, охватывающее всё, что находится за пределами данной местности, не своё, чужое, внешнее и безграничное, отдалённое от дома и родной округи.

Интересно отметить, что уже сами заглавия анализируемых текстов пространственно маркированы через прямую либо косвенную связь с определёнными, в данном случае географическими, пространствами город(к)а и деревни, выражаясь в виде топонимов *Касриловка* и *Подлипная* (от которой *Подлиповцы*). При этом независимо от того, что Касриловка — городишко вымышленный (штетл), а Подлипная — реально существовавшая деревня. Упомянутое онтологическое, скажем так, отличие вызывает в нашем представлении довольно существенные отличия в самой характеристике Касриловки и Подлипной, в связи с чем с самого начала перед читателем открываются два совершенно разных по внешнему виду околодомашних пространства той и другой:

Вам хочется, конечно, знать, как выглядит Касриловка? Хороша неопишимо! А уж если посмотреть издали — и того лучше! Издали город живо напоминает... Что мне вам такое, к примеру, назвать?.. Подсолнух, густо усаженный семечками, доску, покрытую мелко накрошенной лапшой. Как на блюде, лежит он перед вами, и вы за версту можете разглядеть все его прелести. (*Город маленьких людей*)

Деревня Подлипная очень непривлекательна на вид... Самая местность тоже непривлекательна, хоть зимой, хоть летом. Против домиков, через дорогу, за грядками, большое поле, а за полем тянется большое болото, поросшее мелкими кустарниками березы, ели или липы. Летом досадно становится, как помотришь на поля: земля кое-как вспахана, кое-где на засохших кочках видится травка. (*Подлиповцы*)

В приведённых фрагментах эффект контраста между характеризуемыми пространствами создаётся также собственно языковыми средствами: использованием поэтических сравнений при описании Касриловки и отсутствием подобной поэтичности, публицистической объективностью при характеристике Подлипной.

В отношении внедомашнего пространства следует отметить, что в *Подлиповцах* и отчасти в *Касриловке* довольно отчётливо противопоставлены пространство деревни / малого городка (околодомашнее) — как своё, родное и поэтому, несмотря на всеобщую нищету и суровые условия быта, безопасное, — и большого города / соседних деревень (внедомашнее) — как неродное, не своё, чужое, неизвестное. Однако в обоих текстах противопоставление пространств по признаку «своё» — «чужое» имеет различный характер.

Для подлиповцев внедомашнее пространство (соседнее село, город), до похода в бурлаки, значимо ассоциируется в их сознании с горькими и тяжёлыми жизненными событиями (смерть члена семьи, материальный недостаток) и их последствиями, влекущими за собой необходимость покинуть Подлипную, чтобы, к примеру, съездить в соседнее село за священником и дьячком, визит которых непременно связан с материальными тратами, расходами и хозяйственными убытками.

[...] окрестившись, они, из боязни, стали отдавать крестить детей; венчались сначала по-своему, потом ехали в село к попу, везли к нему покойников... Ничего бы этого они не делали, да священник становым их пугал, а подлиповцы помнят станового, как он, когда в Подлипной умерло с голоду шесть человек, обласкал не только мужчин, но и женщин, сам не зная за что; а отрывши в лесу мертвое тело, увез трех главных стариков в село, потом в город, и с тех пор подлиповцы не видели своих стариков.

[...] они еще и потому боятся: хотя он [священник] живет в селе, за пятьдесят верст, но как приедет в Подлипную, то дьячок непременно уведет самую лучшую корову или лошадь и продаст, а подлиповцы молчат, думают, так и надо, хотя и горько им, и обидно; а не дашь, становой приедет.

Таким образом, становой и священник, как и городские власти, обложившие подлиповцев податью, предстают в их восприятии сулящими недоброе «пришельцами» из чужого, «того» пространства («[...] при появлении того и другого, прячутся в домиках и запирают двери»), попадания в которое следует в этой связи по мере возможности избегать, от него самого и его обитателей ещё больше изолироваться («[...] этих людей они боялись, не верили им [...]»). Внедомашнее пространство тогда оказывается для подлиповцев чуть ли не мифологической *terra incognita* («[...] есть ли еще за Чердынью что-нибудь — дело темное»), а пересечение границы безопасного околодомашнего пространства и проникновение, транзит во внедомашнее связаны риском не вернуться больше оттуда. Таким образом, «своё» пространство для подлиповцев равнозначно «безопасному», а «чужое» — «опасному»:

«Уйти из Подлипной? Куда пойдешь? Вон ушел из Подлипной Митюк Ковычка, еще молодой, и жену с двумя детьми оставил, да так и пропал. Поди тамока, и тю-тю!.. Пошел Терешка Вятка куда-то лес сплавлять и утонул, сказывают. Мишка Гайва ушел в город какой-то, да так и пропал...». Все это напугало подлиповцев до того, что они замкнулись в своей деревне. (Подлиповцы)

Для касриловцев же «своё» пространство есть «традиционное», т.е. традиционно еврейское, а «чужое», городское — «нетрадиционное»:

Забитый в уголок, в самую глушь, отрешенный от всего окружающего мира, сиротливо стоит тот город, заморожен, заколдован и погружен в себя, словно никакого касательства к нему не имеет весь этот тарарам с его кутерьмой, суетой, сумятицей, кипением страстей, стремлением подавить один другого и всеми прочими милыми вещами, которые люди удосужились создать, придумав для них всякие названия, вроде «культура», «прогресс», «цивилизация» и другие красивые слова, перед которыми порядочный человек с величайшим благоговением снимает шапку. (Город маленьких людей)

Отмеченные «забитость», «сиротливость», «отрешённость» Касриловки и других еврейских городков, напр., Мазеповки, отнюдь не её порок, а достоинство, предполагающее под этой «сиротливостью», «отрешённостью» привязанность жителей данного пространства, как единственного места среди остальных, к традиционно еврейскому образу жизни («божья нива») в отвлечении от культурно-цивилизационных, идущих нередко вразрез с традицией, достижений человечества («Достойно справить субботу — это предел их мечтаний»). Город, напр. Хмельницк в рассказе *Из-за редьки*, оказывается тем пространством, в котором снимаются, даже жестоко, насильственно уничтожаются и подавляются традиционные еврейские ценности, обряды, обычаи и привязанность к ним, заставляя попадающего в него индивида (Наталью-Энтл) полностью отречься от своих прежних национально-культурных корней:

И покинула Энтл отчий дом и тотчас перестала быть Энтл: в богатом и шумном Хмельнице она превратилась в Наталью. Но не думайте, что это превращение далось ей легко и просто. Много сил и трудов пришлось потратить Жаку, чтобы она стала не просто Натальей, а именно той Натальей, какая приличествует дому Пфеферкранца. С тяжелым сердцем расставалась она с париком, прикрывавшим лоб, с женским молитвенником, с субботними свечами и со многим, многим другим, что с детства в глазах набожной Энтл было свято и непреложно. Очень трудно было ей ломать свои привычки, обычаи и перевоплощаться из скромной еврейской девушки в богатую светскую даму. Но горше всего обстояло дело с языком. Ох, какая это была пытка! Жак твердил, что ее простонародная речь омерзительна, вызывает отвращение и вообще ему непонятна.

Могу сообщить вам по секрету, дорогие читатели, что было время, когда Жак (тогда он еще был Яковом и служил приказчиком) бегло говаривал на чистом еврейском языке, читал и писал на нем, как самый простой смертный. Однако с тех пор, как Яков превратился в Жака, он повернулся спиной к родному языку, возненавидел его, стал бегать от него, как от черта... *(Из-за редьки)*

В анализируемых текстах выявляется также мотив перемещения, транзита, во внедомашнее пространство несмотря на связанную с этим, как уже говорилось, потенциальную опасность. Стимулом такого транзита становится трудное материальное положение героев обоих текстов.

Рассказывают, к примеру, об одном касриловце, которому осточертело голодать в Касриловке, и он пустился в поисках счастья странствовать по свету, стал эмигрантом и пожаловал аж в Париж.

Приключилась и другая история — одного из касриловцев занесло аж в Америку [...]. *(Город маленьких людей)*

«Эх!.. Надоела эта жизнь!.. Дай пойду в бурлаки... Надоели подлиповцы; пусть помирают, мне не пособить. Только выздоровеет Сысойко и Апроська, возьму их с собой...» Пиле эта мысль хорошо показалась, он захохотал и решился во что бы то ни стало уйти с Апроськой и Сысойком бурлачить, сам не зная, что это за дело такое, веря в слово богатство и в надежду иметь всегда много хлебушка... «Уйду же я, уйду!» [...]. *(Подлиповцы)*

Однако при этом в очередной раз замечается совершенно разное восприятие чужого, внедомашнего пространства в сравнении и по отношению к своему — (около)домашнему и родному. Так, в восприятии попавшего в Париж касриловца, при всех достоинствах и прелестях огромного французского города, Касриловка по-прежнему остаётся тем пространством и местом, в которое ему не только хочется вернуться, но и уговорить переселиться туда самого Ротшильда:

Ежели желаете жить вечно, мой вам совет — покиньте вы этот шумный Париж и махните-ка лучше со всем своим скарбом к нам, в Касриловку, и тогда вы вовеки не умрете, потому что с тех пор, как существует наша Касриловка, не было случая, чтобы у нас умер богач [...]. *(Город маленьких людей)*

Хотя данный фрагмент приобретает отчасти характер шутивно-анекдотический, о привязанности к родному пространству Касриловки и его преимуществам, особенно в еврейские праздники, перед какими-нибудь другими крупными городами свидетельствуют высказывания самого рассказчика:

И поистине, когда наступает милая святая суббота — пропадай Егупец, пропадай Одесса, пропадай даже Париж!

Со всего света являются сюда, чтобы немного выплакаться, излить наболевшее сердце перед святыми могилами [...]. (*Город маленьких людей*)

Для подлиповцев родная деревня — пространство, ассоциируемое с тяжёлой, горькой, полной лишений и невзгод жизнью, которое в итоге приходится покинуть, больше не возвращаясь и не желая в него возвращаться, особенно вкусив иную жизнь в пространстве других городов и деревень:

К тому же они шли куда-то в хорошее место, а что им оставаться здесь или в Подлипной? Видя городских девушек, красивее и опрятнее подлиповских, ребята подумали, что подлиповские девушки хуже, вот бы с этой жить... Чем дальше шли ребята, тем больше работали их головы. Они были во многих деревнях; деревни были лучше Подлипной, в избах тоже лучше и девки лучше. (*Подлиповцы*)

Интересно также обратить внимание на организацию околодомашнего пространства и наличие других, помимо домов, пространственных объектов в Подлипной и Касриловке. Сопоставление текстов по данному признаку в очередной раз позволяет выявить бросающиеся в глаза отличия между замысловатой сетью улиц, улочек и переулков в Касриловке и примитивно-случайной планировкой Подлипной.

И тем не менее, не огорчайтесь, имеются и улицы, большие улицы и малые улочки, тесные переулки и закоулки. Но они, скажете, не так прямы, малость извилисты — то ползут в гору, то бегут под гору, а то вдруг перед вами на самой дороге дом, или погреб, или просто яма? (*Город маленьких людей*)

Она [Подлипная] состоит из шести домиков, построенных по левую сторону дороги, идущей от других деревень, и разбросанных по неровной местности так, что один домик стоит выше другого, другой около дороги, а третий и прочие пятятся к лесу [...]. (*Подлиповцы*)

Поскольку Касриловка представляет собой небольшой городок, в ней замечаются стандартно приписываемые городу пространственные объекты: центральная площадь и вокруг неё «магазины, мясные лавки, лабазы, рундуки и ларьки» (*Город маленьких людей*), а также объекты собственно еврейского религиозного культа и быта: синагога, баня, хедеры и молельни. Особо важным локусом для касриловских жителей является кладбище («[...] считают [...] сокровищем, украшением города, жемчужиной и оберегают его как зеницу ока» (*Город маленьких людей*)), служащее, в первую очередь, местом эмоционально-душевной разрядки и метафизического контакта с предками. Для еврейской традиции (впрочем, не только еврейской)

кладбище предстаёт разновидностью, а точнее заменителем, дома земного («Вы найдете здесь надгробные домишки-памятники более красивые, чем самые красивые дома в городе» (*Не стало покойников*)) — домом покойных членов семьи, существующим также вне пространственно-временного континуума, что находит своё выражение в описательно-метафоризованных названиях кладбища на иврите *בית חיים* (бейт альмин) — ‘дом вечности’, *בית חיים* (бейт хаим) — ‘дом жизни’ (эвфемизм), *בית קברות* (бейт кварот) — ‘дом могил’¹⁶. Обратимся к тексту:

Со всего света являются сюда, чтобы немного выплакаться, излить наиболее сердце перед святыми могилами. Знаете, что я вам скажу? Нигде не плачется так самозабвенно и так сладко, как в Касриловке на «божьей ниве». То есть в синагогах тамошних тоже плачется не так уж плохо. Но какое тут может быть сравнение с плачем на могилах предков? (*Город маленьких людей*)

Следует при этом обратить внимание на нетипичное, с точки зрения еврейской традиции, расположение кладбища, находящегося, как можно предположить на основании текста, внутри городского пространства («своего»), а не за его пределами («чужого»).

В Подлипной же кладбище в пространстве деревни не присутствует, поэтому для похорон приходится её жителям ездить в соседнее село и хоронить своих покойников на тамошнем прицерковном кладбище. Данный локус в восприятии подлиповцев, привыкших хоронить умерших в лесу, лишён какой-либо символической и эмоциональной наполненности. Само присутствие на кладбище, как в пространстве, тесно связанном с церковью и церковными (т.е. православными) похоронными обрядами и ритуалами, не типичными для первичной пермяцкой традиции и, соответственно, веры подлиповцев («подлиповцы своей пермяцкой веры держатся»), оказывается не столько нежелательным, сколько необязательным: «Дети Пилы ушли к матери за церковную ограду. Матрена не пошла на кладбище; она плакала у церкви» (*Подлиповцы*). Поэтому обычай навещать (возвращаться на) кладбище и могилы предков у подлиповцев отсутствует:

Поставивши гроб среди церкви, Пила и Сысойко с Павлом и Иваном отправились на кладбище.

¹⁶ Б. Подольский, *Большой иврит-русско-ивритский словарь*, <https://www.slovar.co.il/translate.php> [доступ: 04.11.2022].

– Неужели тут все люди?.. — спросил Сысойко.
– А кто не то. А ты помнишь, где отец-то твой лежит?
Кто его знает!
(Подлиповцы)

Перейдём теперь к характеристике дома и домашнего пространства, отталкиваясь от его краткого представления, собственного славянскому ментально-языковому восприятию, которое, как покажем в дальнейшем, во многом сходно с еврейским. *Дом* отражает сложное и многоплановое понятие, вбирающее в себя такие категоризирующие составляющие, как семья, здание, место / пространство, убежище, семейные отношения и ценности¹⁷. Это созданный человеком кров, в котором проживают близкие при общности их хозяйства и имущества, а также внутреннее целостное единство сил духовных, родственных и хозяйственных, общность которых создаёт и оберегает дом¹⁸. При сопоставлении *дома* и домашнего пространства в текстах Шолом-Алейхема и Решетникова выявляется основное различие в отношении к дому как собственно объекту (предмету), крову — у подлиповцев, и общности, единству семейно-родственных отношений и ценностей — у касриловцев.

Дом для подлиповцев — объект преимущественно чисто утилитарного, прикладного, материального свойства, лишённый какого-либо стоящего за ним ассоциативно-символического содержания. Дом — это только то, что отгораживает от окружающего наружного пространства и непосредственного влияния погодных условий:

[...] подлиповец строил для себя дом по своему умению, собственно, с тою целью, чтобы ему была защита от холода, дождя. Понятно, ему никакие удобства не надо. А вы любите, чтобы дом ваш был теплый и существовал долго, чего подлиповец не сумеет сделать. (Подлиповцы)

Показательно также нежелание обитателей Подлипной попадать в домашнее пространство, вызванное, прежде всего, обстоятельствами психологического характера: страхом либо

¹⁷ См. А. Maciejewska, „Zwyczynie o domu” — językowy obraz świata domu w tekstach studentów, „Conversatoria Linguistica” 2010, rok IV, s. 36. По данной проблематике см. также: J. Bartmiński, *Dom i świat – opozycja i komplementarność*, w: J. Bartmiński, *Językowe podstawy obrazu świata*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2006, s. 167–177. С литературоведческой точки зрения проблема получила освещение в работах: Л.Г. Кихней, М.В. Галаева, *Локус дома в лирической системе Анны Ахматовой // Восток – Запад: Пространство русской литературы. Материалы Международной научной конференции*, Волгоградское научное издательство, Волгоград 2005, с. 237–247.

¹⁸ См. В.В. Колесова, Д.В. Колесовой, А.А. Харитоновна, *Словарь русской ментальности*, Златоуст, Санкт-Петербург 2014, т. 1, с. 216–217.

опасением увидеть умершего члена семьи, грустью от гнетущей бедности и запущенности по этой причине домашнего хозяйства, а также страдающих в нём от голода и холода детей, раздражением, вызванным безысходностью с отсутствием возможности что-либо изменить, улучшив своё материальное положение и крайне тяжёлый быт. Дом для Сысойки и Пилы это источник неприятных переживаний и ощущений. Обратимся к примеру из текста:

Сысойке страшно опротивела жизнь в своем дому: каждый день и даже ночь ревели его маленькие брат Петр четырех лет и сестра Пашка двух лет, которые мерзли с холоду и постоянно голодали [...]

Приехав в деревню, Пила прямо отправился к Сысойке. Домой он побоялся прийти.

[...] – Али померли? — сказал Пила. Пила не получил ответа. Хотелось ему удостовериться, залезши на полати, да боялся Пила. В первый раз в жизни Пила побоялся покойников [...]

Везде бедная обстановка, нечистота, плач и стоны; половина лежит, половина сидит молча или что-нибудь делает, ругая работу, ругая себя и все окружающее. Словно всем им жизнь опротивела. (*Подлиповцы*)

Помимо психологических факторов, домашнее пространство отталкивает своими непривлекательными физическими особенностями: царящей в нём темнотой, пронзительным холодом и смертной тишиной, что дополнительно усиливает переживаемый дискомфорт:

В избе было темно и холодно, не слышно ни звука, ни шороха [...]

В избе холод страшный, ветер так и дует в окно сквозь раму; против окна снег на полу, на столе и на лавке. Изба очень бедна; кроме стен, стола, скамейки да одного худого лапта, валяющегося среди пола, и небольшого корыта с корой и двумя большими ложками, в ней ничего не видно [...]. (*Подлиповцы*)

При сопоставлении домашнего пространства в анализируемых произведениях можно заметить контраст двух картин — мрачного, безжизненно-отталкивающего, дома и околодомашнего пространства в Подлипной («[...] не слышится веселого говора, не слышится песен, у всех точно какое-то горе, какое-то болезненное состояние») и светлого, жизнерадостно-уютного в Касриловке.

Для еврейской традиции и культуры понятие «дом», по словам Татьяны Юлаевой, предполагает отнюдь не кирпичные стены, скорее, это ощущение, которое парит в пространстве, это тепло, исходящее от окружающих людей¹⁹. Поэтому

¹⁹ См. Т. Юлаева, *Еврейский дом*, «Jewish Secret», <https://jewish-secret.com/evreyskiy-dom/> [доступ: 20.10.2022].

домашнее пространство у касриловских евреев предстаёт, в прочувствованном описании рассказчика, как место, проникнутое теплом, весёлыми криками детей и повседневной домашней суетой, запахом праздничной снеди:

[...] рыба, не сглазить бы, дает себя знать с запечья на весь дом, а в доме тепло, не сглазить бы, чисто и прибрано, во всех уголках блеск зеркальный, глядеться в пору [...]. (*Не сглазить бы*)

И в доме вечно сутолока, крик, галдеж: дети дерутся между собой, хозяйки стряпают и пекут, толкутся у одной печи, сплетничают, оговаривают друг дружку, ссорятся и мирятся [...]. (*Человек родился*)

В интерпретации касриловских евреев дом — это не только продиктованная бытовыми соображениями необходимость, но и предписанная еврейскими законами обязанность:

[...] почему ни с того ни с сего пустовать месту, если на нем можно поставить дом? Ибо сказано: «Для обжития сотворена», что означает: земля создана посада ради, дабы на ней сидеть, а не глядеть на нее... С чего бы на нее глядеть?... (*Город маленьких людей*)

Одновременно касриловцы не скрывают, что собственный дом, при всех своих достоинствах, нередко становится источником как жизненных, так и житейских хлопот и забот, проблем и вызванных по этой причине недугов: «— Я, слышите ли, не богач, далеко не богач. Так, ничего особенного, просто живу в собственном доме. Да и что у нас, по правде говоря, дает собственный дом? Хворобу!». (*Родительские радости*)

Стоит при этом отметить, что для подлиповцев дом всё же отыгрывает роль социально спланированную. Проживание и постоянное пребывание в домашнем пространстве не только родственников и членов ближайшей семьи, но и людей, не знакомых друг другу, способствует созданию и укреплению межличностных отношений, снимая социальные и эмоциональные барьеры:

[...] едят вместе в домах, где их квартиры; делят пополам хлеб и вместе спят, где придется, не разбирая и того, что товарищ не их деревни, и кто его знает, хороший он или худой человек.

[...]

С первого же времени молодые люди привязались друг к другу — об-им им было скучно, когда они не видели друг друга по неделям, а потому часто навдывались друг о дружке у Пилы и сходились — или Сысойко в доме Пилы, или Апроська в доме Сысойки. (*Подлиповцы*)

Сравнение выбранных текстов позволяет выявить также определённые отличия в отношении категории лимитати-

ва домашнего пространства в *Подлиповцах*, понимаемой не только как упомянутая его выделенность, горизонтально-вертикальная ограниченность, но и как каузированная данной ограниченностью неспособность вмещать в себя больше положенного, осложняемая к тому же фактором демографического, скажем, характера: невозможностью проживать в одном домашнем пространстве всех членов одной либо ближайшей семьи, нередко многодетной и многопоколенной:

Хотелось Сысойке жить у Пилы; да Пила говорил: нет, брат, изба моя махонькая, куда же я тебя пушу с ребятами и матерью?

[...]

Жить в его доме нельзя, потому что у него свое семейство, парни, того и гляди, приведут в дом по девке, а как поп велит им жениться, то и самому тесно будет. (*Подлиповцы*)

В Касриловке же, несмотря на ограниченность домашнего пространства и тесноту, не описываемую и не представляемую рассказчиком прямо, а выводимую из (кон)текста («сидит на моей шее»), категория лимитатива не снимает возможности находиться в одном пространстве большого количества родных, обуславливаясь значимыми эмоционально-семейными отношениями:

[...] его выгнали, и по сей день он не может прийти в себя... Живет у меня с женой и детьми. Что же остается делать?

[...] Надумал я и говорю ему: «Знаешь что? Увяжи-ка узлы и перекочуй с женой и детьми ко мне. Невелик риск!..»

[...] Теперь он живет у меня со всей своей оравой. А то как же?..

[...] Слово за слово — отозвал я своего младшего и говорю ему: «Плюнь ты, говорю, на своего тестя - богача и плута — и поселись у меня, а там что бог даст, только бы вместе...»

[...] Я содержу его с самой свадьбы, потому что, если бы вы его знали, сами сказали бы, что такого грех выпустить из дому — что с ним станется?

[...] Живет он теперь у меня с детьми — я же мою дочь на улицу не выброшу!

[...] до тех пор, пока не выздоровеет, сидит он с женой и детьми, как полагается, на моей шее. Разве откажешься? (*Родительские радости*)

Таким образом, как ни парадоксально, физически ограниченное пространство становится неограниченным для эмоциональных проявлений и межличностных отношений самого разного рода.

Выявленные отличия, при характеристике пространств, пространственных объектов и отношений, к ним либо в них, имеют своё обоснование не только в этнокультурной плоскости, но и в разном художественно-жанровом оформлении *Подлиповцев* и *Касриловки*. С одной стороны, это локус Касриловки,

который, будучи, как говорилось в начале, результатом художественного вымысла, предстаёт в несколько иллюзорно-идеализированном, даже сказочном, воплощении, становясь некой желаемой, в намерении Шолом-Алейхема, оптативной проекцией-символом самого Израиля («Как хороши твои шатры, Иаков, места твоего покоя, Израиль!..» (*Город маленьких людей*)). И Подлипная — с другой стороны, характеризующаяся в строго объективном и порой до мельчайших подробностей реальном отображении, что в немалой степени обусловлено самой спецификой жанра — этнографического очерка.

Библиография

- Bartmiński J., „Dom i świat — opozycja i komplementarność”, w: J. Bartmiński, *Językowe podstawy obrazu świata*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2006, s. 167–177.
- Grzegorzczkova R., *Obraz przestrzeni*, w: *Świat widziany poprzez słowa. Szkice z semantyki leksykalnej*, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2012, s. 171–213.
- Maciejewska A., „Zwyczajnie o domu” — *językowy obraz świata domu w tekstach studentów*, „Conversatoria Linguistica” 2010, IV, s. 34–44.
- Borodulin V., Gorkin, A., Gusev A., i dr. (red.), *Novyy illyustrirovannyj entsiklopedicheskiy slovar'*, Nauchnoye izdatel'stvo “Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya”, Moskva 2005 [Бородулин, В., Горкин А., Гусев А., и др. (ред.), *Новый иллюстрированный энциклопедический словарь*, Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Москва 2005].
- Gzhegorchikova R., *Ponyatiynaya oppozitsiya verkh- niz (pol. 'wierzch' – 'spód') i yazykovaya model' prostranstva*, in: *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv*, Yazyki russkoy kul'tury, Moskva 2000, pp. 78–83 [Гжегорчикова Р., *Понятийная оппозиция верх- низ (пол. 'wierzch' – 'spód')* и языковая модель пространства // *Логический анализ языка. Языки пространств*, Языки русской культуры, 2000, с. 78–83].
- Evgen'yeva A., (ed.), *Slovar' russkogo yazyka v 4–kh t.*, t. III, Russkiy yazyk, Moskva 1987 [Евгеньева А. (ред.), *Словарь русского языка в 4–х т.*, т. III, Русский язык, Москва 1987].
- Efremova T., *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*, t. II, Astrel'–AST, Moskva 2006 [Ефремова Т., *Современный толковый словарь русского языка*, т. II., Астрель–АСТ, Москва 2006].
- Kikhney L., Galayeva M., *Lokus doma v liricheskoy sisteme Anny Akhmatovoy*, in: *Vostok – Zapad: Prostranstvo russkoy literatury*, materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Volgogradskoye nauchnoye izdatel'stvo, Volgograd 2005, pp. 237–247 [Кихней Л., Галаева М., *Локус дома в лирической системе Анны Ахматовой* // *Восток – Запад: Пространство русской литературы*, материалы Международной научной конференции, Волгоградское научное издательство, Волгоград 2005, с. 237–247].
- Kobozeva I., *Grammatika opisaniya prostranstva*, in: *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv*, Yazyki russkoy kul'tury, Moskva 2000, pp. 152–162 [Кобозева И., *Грамматика описания пространства* // *Логический анализ языка. Языки пространств*, Языки русской культуры, Москва 2000, с. 152–162].

- Kobozeva I., *Kak my opisuyayem prostranstvo, kotoroye vidim: kompozitsionnyye strategii*, in: *Trudy mezhdunarodnogo seminar Dialog'97 po komp'yuternoy lingvistike i eyë prilozheniyam*, RosNII Iskusstvennogo intellekta, Yasnaya Polyana, pp. 132–135 [Кобозева И., *Как мы описываем пространство, которое видим: композиционные стратегии // Труды международного семинара Диалог'97 по компьютерной лингвистике и её приложениям*, РосНИИ Искусственного интеллекта, Ясная Поляна 1997, с. 132–135].
- Kobozeva I., *Kak my opisuyayem prostranstvo, kotoroye vidim: problema vybora orientira*, in: *Trudy mezhdunarodnogo seminar Dialog'95 po komp'yuternoy lingvistike i eyë prilozheniyam*, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, Kazan' 1995, pp. 146–153 [Кобозева И., *Как мы описываем пространство, которое видим: проблема выбора ориентира // Труды международного семинара Диалог'95 по компьютерной лингвистике и её приложениям*, Издательство Казанского университета, Казань 1995, с. 146–153].
- Kolesov V., Kolesova D., Kharitonov A., *Slovar' russkoy mental'nosti*, t. 1, Zlatoust, Sankt-Peterburg 2014 [Колесов В., Колесова Д., Харитонов А, *Словарь русской ментальности*, т. 1, Златоуст, Санкт-Петербург 2014].
- Kuznetsov S., (ed.). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*, Norint, Sankt-Peterburg 2000 [Кузнецов С. (ред.), *Большой толковый словарь русского языка*, Норинт, Санкт-Петербург 2000].
- Levinson S., *Space in language and cognition. Explorations in Cognitive Diversity*, Cambridge University Press, Cambridge 2003.
- Levontina I., Shmelëv A., *Rodnyye prostory*, in: *Logicheskyy analiz yazyka. Yazyki prostranstv*, Yazyki russkoy kul'tury, Moskva 2000, pp. 338–347 [Левонтина И., Шмелёв А., *Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств*, Языки русской культуры, Москва 2000, с. 338–347].
- Lotman Y., *Problemy khudozhestvennogo prostranstva v proze N.V. Gogolya*, in: *Trudy po russkoy i slavyanskoj filologii*, вып. 202, Tartu 1968 [Лотман Ю., *Проблемы художественного пространства в прозе Н.В. Гоголя // Труды по русской и славянской филологии*, вып. 202, Тарту 1968].
- Mungalov V., *Psikhologicheskiye prostranstva cheloveka*, "Sibirskiy psikhologicheskyy zhurnal" 2012, no. 45, pp. 104–111 [Мунгалов В., *Психологические пространства человека*, «Сибирский психологический журнал» 2012, № 45, с. 104–111].
- Podol'skiy B., *Bol'shoy ivrit-russko-ivritskiy slovar'* <<https://www.slovar.co.il/translate.php>> [Подольский Б. *Большой иврит-русско-ивритский словарь* <<https://www.slovar.co.il/translate.php>>].
- Prokof'yeva V., *Kategoriya prostranstvo v khudozhestvennom prelomenii: lokusy i topusy*, "Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta" 2005, no. 11, pp. 87–94 [Прокофьева В., *Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы*, «Вестник Оренбургского государственного университета» 2005, № 11, с. 87–94].
- Pykhtina Y., *K probleme ispol'zovaniya prostranstvennoy terminologii v sovremennom literaturovedenii*. "Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta" 2013, no. 11(160)/noyabr', pp. 29–36 [Пыхтина Ю., *К проблеме использования пространственной терминологии в современном литературоведении*, «Вестник Оренбургского государственного университета» 2013, № 11(160)/ноябрь, с. 29–36].
- Subbotina T., *Lokus, topos, urbonim, mikrotoponim: k voprosu o sodержanii prostranstvennykh ponyatiy*, "Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta" 2011, no. 24, pp. 111–113 [Субботина Т., *Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий*, «Вестник Челябинского государственного университета» 2011, № 24, с. 111–113].

- Shchukina D., *Prostranstvo v khudozhestvennom tekste i prostranstvo khudozhestvennogo teksta*, Izdatel'stvo Filologicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Sankt-Peterburg 2003 [Щукина Д., *Пространство в художественном тексте и пространство художественного текста*, Издательство Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург 2003].
- Yulayeva T., *Evreyskiy dom*, "Jewish Secret" <<https://jewish-secret.com/evreyskiy-dom/>> [Юлаева, Т., *Еврейский дом*, "Jewish Secret" <<https://jewish-secret.com/evreyskiy-dom/>>].